

В. Б. Злоказов
(г. Дубна, Россия)

РЕЛИГИЯ В ТЕРМИНАХ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

ВВЕДЕНИЕ. В моем докладе акцент делается на объективных корнях как религии, так и ее всевозможных суррогатов. Это вполне естественно, потому что сегодня серьезная дискуссия на религиозные темы немислима вне позитивистского контекста современного научного мышления.

Нельзя допустить, что истоки религий лежат исключительно в аксиологии и никак не связаны с прагматикой существования живых существ. Такой взгляд в сущности повторяет формулу вульгарного атеизма: религия – опиум для народа. Но хотя «опиумная составляющая» в религиях действительно присутствует, что дело не только в ней, неопровержимо доказывают исторические масштабы и устойчивость существования религиозной практики человечества. Речь пойдет о том, что опыт современной науки (в частности, кибернетики) может вписать образы религиозного умонастроения вполне естественно в парадигму своего мышления.

Часть Вселенной образуют т. н. «живые организмы» – материальные тела, которые, однако, от других материальных тел резко отличаются такой чертой поведения, как целесообразность, не редуцируемая ни к игре случайностей, ни к «шестереночному» детерминизму («разумная материя» по Базалуку [1]). Этим организмам присущи субъектность (осознание ими их «Я»), семантики, таланты и волевые мотивы, среди которых один выделяется особо – это воля к жизни и победе в ней, который, однако, не может быть вразумительно истолкован в терминах разума.

Биология, охотно рассуждающая о «борьбе за существование», о «победе наиболее приспособленных» и т. д., и при этом отрицающая витализм участников этой «борьбы», т. е. в принципе не отличающая их от, скажем, камней, странным образом не задается вопросом: «А зачем все это нужно этим углеводородным полимерам, эта жизнь, эта борьба, победы в ней?» Кибернетика, замахнувшаяся на сотворение жизни, и даже создавшая эрзац живого существа – робот, – сразу же выяснила раз и навсегда: интенциональность неформализуема, роботам самим по себе при любой степени их организованности ни жизнь, ни борьба, ни победы в оной и т. д.

не нужны в принципе. Однако, реальным живым существам жизнь и много чего другого еще как нужны!

Парафраз библейской истины – жизнь не прагматизмом единым существует, но и всякой аксиологией. Чеховский герой на упрек – если все стихи писать будут, то некому будет пахать, – ответил бы – если все пахать будут, то некому будет стихи писать, а «трудящиеся» Древнего Рима выразили эту мысль крылатой идиомой «хлеба и зрелищ» (наши люди сказали бы «хлеба и водки»). Так что самый главный мотив существования носит исключительно ценностный (аксиологический) характер в отличие от более частных мотивов, в которых присутствие прагматической составляющей является нормой.

Заменитель мотива к существованию у робота – приказ. Конечно, и у живых существ есть аксиология долга, но кроме нее им присуща и аксиология добродетели, которую нельзя свести к действию «неодолимых законов природы». У живого существа кроме «надо» есть и принципиальное «хочу», – чего нет ни у камня, ни у робота. Достичь «многого» в огромном мире не так-то просто. Грандиозные силы внешнего Хаоса грозят раздавить отдельный организм просто в силу свойств этого Хаоса, т. е. имманентного ему роста энтропии вещества, энергии и алгоритмов, и неустойчивости равновесия среды и живого организма, для поддержания которого в его распоряжении из механизмов и силовых ресурсов есть лишь жалкие мышцы. Но у живых существ есть семантики – аффективные и рациональные, и есть талант – способность с помощью семантик построить образ внешнего мира и своих подчас весьма амбициозных целей в нем, и построить образы мышечных действий, позволяющих живому существу эти цели достичь, и есть воля, побуждающая его к их достижению.

Роботы в противостоянии «Голиаф Хаоса – Давид Жизни» на роль последнего не тянут. Они, правда, могут имитировать рациональную компоненту психической деятельности, но аффекты – скажем, болевой пароксизм или сексуальный оргазм, – им недоступны, равно как недоступны ценностная мотивация и талант, т. е. нечто, отличное от случайности и запрограммированности. Тем не менее, наблюдения над псевдо-жизнью, т. е. имитацией жизни роботами и компьютерными программами, позволили кибернетике понять главные черты жизни подлинной и условия ее выживания в противостоянии с миром неживым.

Ключевыми понятиями кибернетического подхода являются Иерархия, Управление и Информация, объясняющие структуру и действия субъекта (живого организма) по обеспечению таких сторон его существования как упорядоченная статика (устойчивость) и направленная динамика (эволюция).

ОБ ИЕРАРХИИ МЕТАСУБЪЕКТОВ. В понятии «Иерархия» нашли свое выражение такие неотъемлемые черты категории «Структура», как

цикличность и рекурсивность ее логической конструкции. Организация всегда антропоморфна и иерархична, и представляет собой синтез двух способов реализации иерархичности: фрактального и специализации. Первый порождает иерархию мета-субъектов – «Я» всех уровней этой иерархии. Такая форма служит основой как устойчивости организации, так и предпосылкой ее эволюции; второй способ обеспечивает эффективность соответствующих частей иерархии. Гибкое сочетание обоих способов резко поднимает возможности организации для достижения ее целей, поскольку метасубъект высших уровней всегда эффективнее субъектов нижних уровней и может быть эффективным, даже если он состоит из неэффективных субъектов, а переходы от субъектов нижних уровней к метасубъектам – самая типичная и разумная форма прогрессирующей эволюции. (В. Ф. Турчин, С. Joslin. Кибернетический манифест).

Так как «субъект» и «объект» образуют взаимообратимую диалектическую пару, сказанное об одном переносится и на другого. Эта обратимость неизбежно порождает логическую и практическую основу как для анимации объекта, так и для «омертвления» субъекта. Кибернетика сегодня выработала наиболее зрелую категорию объекта – это множество следующих понятий: имя объекта, задающего его как точку таксономического пространства, его положение в общей иерархии, его атрибуты, его функции и его реакции на различные ситуации. Здесь все составляющие независимы и не могут быть выражены друг через друга. Хотя каждая из них может быть абстрактным самостоятельным объектом, обладающим, так сказать, «распределенным» существованием.

Примеры метасубъектов. Когда-то первый автомобиль собирался целиком его автором, знавшим и понимавшим все (почти все) стороны процесса. При конвейерном способе сборки автомобилей отдельный рабочий прикручивает определенную гайку и в принципе может совершенно не понимать сути и цели своей работы. Его можно без всякого ущерба для дела заменить роботом. И кто же производит в этом случае автомобиль как целостность? Это делает метасубъект. Другой пример: в науке сегодня нет «энциклопедистов» – каждый ученый знает лишь свою область и не компетентен в областях своих коллег. Образно говоря, он тоже лишь «прикручивает научную гайку», и здесь мы видим, что продукт «наука в целом» снова производится метасубъектом.

Правда, существование таких метасубъектов выглядит чрезмерно «виртуальным», абстрактным. Но ведь и человек представляется атомарной целостностью лишь глазу, а если взглянуть на него через микроскоп, то мы увидим сложнейшую иерархическую организацию, отдельные элементы которой – клетки, – обнаруживают все черты индивидуальных живых существ. И у нас нет гарантий, что наше «я» не является таким же метасубъектом по отношению к этим клеткам.

Эмерджентность организации – понятие, являющееся выдающимся достижением кибернетики, позволяет понять, что любой метасубъект обладает своим специфическим синкретизмом, не сводящимся к линейной сумме активностей составляющих его субъектов; его собственной субъективностью. Пример – война СССР и Германии в 1941–1945 гг. была яростной схваткой двух не щадивших себя метасубъектов, а колоритные политические фигуры Сталина и Гитлера были всего лишь «клеточными» исполнителями воли этих метасубъектов, – правда, отдадим должное обоим, талантливыми исполнителями, с творческим подходом к своим ролям. Другой пример: государство не позволяет своим субъектам убивать; когда же оно карает смертью преступника, то и приговор, и исполнение следуют от имени государства (метасубъекта). Сегодня почти во всех странах в судебную практику внедряется отказ от смертной казни. В оправдание идут всевозможные доводы гуманного и псевдо-гуманного порядка, а акцент делается на неспособность смертной казни искоренить преступность. То, что любое наказание имеет еще один аспект – справедливость, игнорируется полностью. Объяснение здесь единственное: борцы против смертной казни – это всего лишь агенты эмерджентной воли государств, и успех, с которым они ее реализуют, невзирая на то, что большинство рядовых субъектов выступают против них, есть доказательство того, что воля метасубъекта сильнее воли отдельных субъектов.

Последнее время в психологии популярна «Я-концепция», согласно которой «Я» – не более, чем образ «Меня» как объекта. Возникает соблазн точно так же трактовать и понятие «метасубъект» (Людовик XIV: «Государство – это я»). Но это необходимо ведет к понятию «я» абсолютно нижайшего уровня в иерархии и неприемлемо с точки зрения логики и здравого смысла.

Технократическая философия давно трактовала организацию как машину (машина Х. Вольфа, мегамашина Rumforda, и т. д.), но игнорировала ее субъективированность. Цель Жизни – реализация сонма мотивов Иерархии метасубъектов; при этом работает библейская притча о горшке и горшечнике, но если горшок – подлинно живое существо, то он волен вносить нюансы в свою судьбу. Эти мотивы распадаются на две категории:

а) познание Мира, т. е. внесение в него нашего смысла и использование его;

б) преобразование его на основе нашего смысла и наших целей.

И в этом оправдание Жизни – а иначе она не нужна, мертвой бессмысленной материи полно и в самой Природе. Последняя не зависит от нас и не оценивает себя в терминах наших семантик: образно говоря, для нее не только «нет плохой погоды», но для нее самой нет и таких понятий, как Хаос, Порядок (а значит и Организация) и т. д. Эти качества приписывает ей только душа метасубъекта. Природа сама по себе никакая. Безразлична

Природа к нам и в терминах мотивов; следовательно, она не создавала нас – мы ей не нужны, – создает Жизнь сама Жизнь.

УПРАВЛЕНИЕ (дискретное), формально трактуемое как специфическая неустойчивость систем к малым энергетически и простым алгоритмически воздействиям (логически: сигналам «запретить» – «разрешить»), финальным результатом которых является неадекватная, гипертрофированная реакция объекта управления на них, играет в природе колоссальную роль.

Живой организм обладает в среднем весьма ограниченными физической энергией и интеллектуальной интуицией, но развязывая и направляя гигантскую энергию и сложнейшие алгоритмы внешней среды с помощью манипуляций цепями положительных и отрицательных обратных связей для достижения своих целей, он оказывается в состоянии сформировать глобальную эволюцию вселенской иерархии и получить выигрыш, несоизмеримый с его собственными возможностями.

Мы гордимся «делами наших рук по покорению Природы». А кто эти дела сделал на самом деле? Неужели это наши жалкие ручки сдвинули горы, создали моря и т. д.? Нет, конечно, это сделала Природа сама, но будучи направляемой нашими слабыми (всего лишь указующими) руками. От нас требуются лишь Талант, Воля и Разум, и те небольшие собственные силы и навыки, которые предоставляют нам наши тело и ум. Мир без управления был бы крайне примитивен и убог!

Управление не нарушает закона сохранения энергии, но повышает энергетическую и алгоритмическую энтропию среды; поэтому, жизнь может эффективно существовать только в открытом окружении, в котором живым организмам их Талант помогает искать и находить все новые источники высоколиквидной энергии и сложные природные механизмы для реализации технологий, требующие однако для своей инициализации («включения» или «выключения») лишь простых и малозатратных усилий.

Рост всех трех энтропий означает, в частности, что:

1) жизнь в среднем обречена на деградацию в замкнутой системе и, следовательно, устойчивая жизнь не может быть локальным явлением Вселенной;

2) гигантский прогресс культуры человеческого общества является, конечно, выдающимся достижением, но вообще-то он есть необходимое условие устойчивости этого общества в исторической перспективе.

ИНФОРМАЦИЯ – фундаментальная категория, описывающая процесс и результат замены содержательного образа его компактным формальным представителем – кодом, и, обратно, восстановления по коду исходного образа. Сигналы, поступающие на сенсоры живого существа извне и изнутри, подвергаются полисемантической (аффективной и когнитивной) интерпретации, создающей образы (гештальты) целостных

объектов «я» этого существа и его окружения. Наша психика способна формализовать эти содержательные образы с помощью специфических средств – кодов.

Кодирование всегда создает лишь минимально необходимый набор формальных элементов, связь которого с образом бывает иногда заметно выраженной: индейские пиктограммы, «метки» волка на границе его ареала, «эзопов» и «птичий» языки, и т. д., но чаще вообще отсутствует: «узелок на память», буквенное или звуковое слово, звук колокольчика в павловских экспериментах с собакой, кофейная гуща, и т. д. Первые носят ярко выраженные модельные качества кодов, вторые играют преимущественно роль имен образов. Но вообще коды не эквивалентны моделям, у обеих все же разная функциональность. Просто коды образуют иерархическую структуру, и, в частности, пирамиду, которую наша психика строит, используя фундаментальные операции, именуемые в математике субституцией и рекурсией; т. е. кодам нижних уровней соответствуют их еще более компактные коды верхних уровней. В чем суть процесса кодирования и зачем он нужен? Можно привести следующие соображения по этому вопросу. Любой реальный процесс инерционен и для своего осуществления требует временных и энергетических затрат. В этом смысле коды можно сравнить с деньгами: товарная масса и матчасть капиталов малооперабельны, тогда как операции с деньгами подвижны, и, кроме того, позволяют опустить множество промежуточных фаз, которые в ходе деловой операции неизбежно должен проделывать материал этой операции, и которые намного легче проделать с его компактными заместителями, т. е., деньгами. При этом деньги тоже могут быть как реальными заместителями ценностей (скажем, золотые монеты), так и чисто номинальными (бумажные денежные знаки).

Те же принципы верны и для психической деятельности. Волевой мотив побуждает наши таланты строить семантические образы цели и средств их достижения, но это построение тоже является инерционным. Возможно, это происходит потому, что, как сказано было ранее, субъектность нашего «Я» есть лишь эмерджентная функция субъектностей составляющих нас клеток, так что трансформации семантических образов нашей психики требуют как энергетических, так и еще дополнительных организационных затрат, что еще более увеличивает инерционность процесса.

Разумеется, проделывать такие операции легче с компактными заместителями (вплоть до имен) образов, чем с ними самими. Жизнь не могла не воспользоваться таким эффективным подспорьем для облегчения ее деятельности во всех сферах. Но, конечно, кодирование, чем бы оно не оперировало – именами образов или модельными кодами, – это творческий процесс, и наибольших творческих усилий требует использование сложных

кодовых систем. У сложной кодовой системы, например, языка, всегда есть развитый синтаксис – это свод грамматических правил, по которым строятся формальные единицы этого языка и отношения между ними. Грамматика – это именно правила, а не стратегии, гарантирующие оптимальное кодирование. Ее смысл легко понять, например, сравнив язык и, скажем, кристаллы. Периодически повторяемый узор кристалла можно задать, описав все образующие его атомы, но таких может быть очень много, и лучше ограничиться описанием базисных атомов, заметив, что остальные получаются из базисных с помощью отношений симметрии. Такое описание и более компактно, и более информативно в научном смысле. Если бы слова нашего языка кодировали все конкретные образы, возникающие в нашей душе, наш ум утонул бы в бездонном океане таких кодов. Поэтому и здесь разумно строить компактный базис элементарных кодов и рекуррентные правила построения других. При этом, хотя первое впечатление предполагает связь эволюции синтаксиса языка с прогрессом нашего знания о мире, в действительности это не так, и подтверждением этому служит тот факт, что грамматики древних языков были неизмеримо сложнее, чем у современных. Это понятно: цель синтаксиса – компактность языкового кода, и только. Но чрезмерная компактность кода противоречит требованиям его стилистики.

Тем не менее, можно сказать, что вся дискурсивная деятельность психики субъекта возможна лишь благодаря феномену информации – «поток сознания» есть перемежаемый вспышками интуиции бесконечный процесс кодирований и декодирований, в ходе которых образы подвергаются «естественным» непрерывным трансформациям. При этом в душе живого существа дискурсивно может быть «прокручен» возможный сюжет мировой истории всей Вселенной!

Яркий пример принципиальной вольности интерпретации – работа механизма ассоциаций. Но при всем при этом «поток сознания» не есть грамматически и стилистически полноценный языковой монолог. И это понятно – любые грамматики, будь то грамматики слов, жестов, вообще движений тела или его частей, слишком сложны, их соблюдение утомляет субъекта. И неудивительно, что в кодовой пирамиде рядом с базовым полноценным языком соседствуют и его упрощенные сленги и жаргоны. И это подтверждают как анализ содержания любой интроспекции: мысли часто текут слишком быстро, чтобы формализующие их коды были грамматически и стилистически безукоризненными: так и многие литературные живописания самого процесса духовной деятельности героев, например, роман Д. Джойса «Улисс». Конечно, последний – это всего лишь художественное изображение реальных фактов, но незаурядный талант художника позволяет ему создать адекватные образы таких фактов даже тогда, когда их научный смысл ему неясен.

Другая область, где коды играют фундаментальную роль, – это управление в самом широком смысле слова и самой широкой области применения. И вот здесь можно видеть поразительный феномен: язык кодовой системы для данной ситуации может состоять всего из двух слов («запретить, разрешить»), не иметь никаких грамматик и стилистик, но этот язык позволил реализовать такие грандиозные свершения человечества, что для их описания не хватит слов из всех других языков вместе взятых.

Следующая функция кодов, часто выдвигаемая на первое место, – коммуникационная. Действительно, информация – мощнейший механизм глобализации человеческого опыта. Мы, например, говорим о пустынях, айсбергах, вулканах и т. д., хотя мало кто из нас видел их непосредственно. Но коммуникация – сложное явление. Жизнь в природе представлена не одним субъектом, а иерархическим мультисубъектом, и сразу между ветвями этого иерархического мультисубъекта возникает проблема интерпретации потока циркулирующих между ними сигналов.

Чисто логически проблема единой интерпретации решения не имеет. Действительно, рассмотрим пример «наглядного» обучения субъекта нижнего уровня метасубъектом (ребенка обществом, волчонка стаей, и т. д.). Получается, что для «нормального» восприятия их опыта субъект уже должен обладать могучими интерпретирующими способностями. Как тут не вспомнить платоновские «воспоминания»! Ясно, что для полноценной коммуникации одного формального аппарата недостаточно, и необходимо допустить, что интерпретирующая способность любого живого субъекта встроена в управляемую иерархическую структуру, соответствующую структуре соматических составляющих этих метасубъектов. И эта структура обеспечивает как индивидуальность каждого субъекта, так и их согласованное взаимодействие, а конкретную неясность механизма этой согласованности следует отнести на счет общей неясности привязки психики к коме. Такой вселенский Интерпретатор и есть, по-видимому, то, что в метафизике именуется трансцендентальной основой познания.

ДЕКОДИРОВАНИЕ. Реставрация образа – всегда творческий процесс, в котором образ создается из кода с помощью воображения, контролируемого лишь памятью, интенцией и волей. Минимум материала для построения образа ведет к тому, что дополнительные детали этого образа «домысливаются».

Эту особенность восприятия дополняют компактную канву объективного кода «самоочевидными» домыслами и имеют в виду юристы, когда говорят: «Врет, как свидетель». Правила «врет, как экспериментатор» в науке нет, но поводы для него есть. С другой стороны, компактность художественных кодов является предпосылкой для исключительного богатства их интерпретаций. Диалектическая пара «код – его интерпретатор» нераздельна. Код без интерпретатора и интерпретатор без кода равно

бесмысленны; «коды сами по себе», без всякого интерпретатора, встречаются только в биологических теориях, в реальной жизни – никогда!

Семантики бесчисленны и образуют иерархию, в которой образы нижних семантик служат кодами для образов высших семантик. Интерпретация, скажем, книги с трагедией Шекспира – это построение цепочек образов букв, слов, фраз, рационального содержания текста, и, наконец, художественного. Распространенный предрассудок – рациональные семантики есть высшая форма духовности, семантики ощущений и эмоций – нижние. Кибернетическая практика посеяла очень серьезные сомнения насчет осмысленности подобных заявлений. Роботы оказались в состоянии моделировать образы рациональных семантик, но проявляют абсолютную беспомощность, когда речь заходит о моделях эмоций. Правильнее будет сказать, что когнитивные семантики универсальны, а аффективные – специализированы, но кто из них высший, а кто низший – вопрос неуместный. В реальной практике все без исключения образы, фигурирующие в нашем сознании, имеют обе компоненты. Более того, наука столкнулась с огромными трудностями из-за того, что, скажем, для объектов Микро и Мегамира у нас нет наглядных иллюстраций. Вот и вынуждены физики изобретать уродливые понятия типа «частица-волна» или «кривое пространство-время».

Далее следует упомянуть лабильность интерпретации – отсутствие абсолютной привязки семантик к кодам всех уровней, включая и нижние. В качестве примера можно указать на такие явления, как дальтонизм, гомосексуализм и т. д. Но, конечно, наибольший плюрализм в трактовке одного и того же кода имеет место на высших уровнях – например, в области искусства. Хотя для большинства рядовой публики картины, скажем, Шагала – это «мазня, а не живопись», а опусы Шенберга – «сумбур вместо музыки», для академического искусства это шедевры в художественном и достижения в техническом отношении.

По принципу интерпретации строятся как когнитивные и аффективные семантические образы восприятия, так и образы целей прагматической и ценностной мотиваций и средств достижения этих целей. К «народному сознанию» прилипчива мысль о том, что приказ и его исполнение всегда осуществляются одним субъектом. Но странно, что и иной биолог рассуждает так: «Смерть – это не итог накопления в организме дефектов, это итог работы биологической программы». Хотя он, как и всякий образованный человек сегодня, видел и компьютер, и программы, и наверняка знает, что действия осуществляет компьютер, а не программа.

Однако даже в тривиальнейшем случае формальной интерпретации в неживом мире возможен разлад между намерением и получившимся результатом, и там реакция на код не всегда есть его факсимильная матричная штамповка.

Принципиально иная картина в случае неформальной интерпретации кодов живыми организмами. Здесь и без «сбоев» свободы выбора у интерпретатора столько, что образы могут флуктуировать неограниченно. Здесь интерпретатор должен быть существенно богаче образным содержанием, чем код. Биология видит механизм эволюции в «мутациях» кодов – генов, т. е. чертежей белков. Но чертежи редко «мутируют», обычно это все же сбои в работе интерпретатора. При этом сами коды (чертежи) могут оставаться целыми.

Очень важен вопрос: как обеспечивается циклический во времени способ существования жизни, в частности, ее преемственности. Трудно поверить в способности матричной штамповки кодировать и декодировать сложнейшие образы, скажем, реактивности объекта; притом, что кодированию и декодированию должен подвергаться и контекст объекта, ибо реакции вне среды, на которую объект должен реагировать, лишены смысла. Или пример шестипалой руки, или еще более впечатляющий пример сиамских близнецов. «Мутации» – скажет биолог. Но ведь при этой «мутации» были заново перепроектированы системы нервной, гуморальной и прочих регуляций, крово- и лимфодвижения и т. д. – инженерная задача, перед которой капитулируют все хваленые биотехнологии XX-го века, но с которой блестяще, с величайшим мастерством и изяществом справляется абсолютно тупое и безмозглое существо – Случай. Неужели это так? Что-то сомнительно.

Интерпретатор в целом в иерархической системе Жизни не наследуется, он просто существует, хотя наглядно представить себе это архитрудно, а рождающийся субъект – дитя не случая, а проекта, изобретаемого и реализуемого, так сказать, административно – техническим «я» субъекта, дополнительным к «я» общему, в рамках плановой деятельности всего иерархического Мультисубъекта, и феномены иерархии, управления и информации здесь играют фундаментальную роль.

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ. Если под «знанием» понимать решение нашей Воли о соответствии образа Мира, произведенного нашим Талантом и выраженного в терминах наших Семантик, этому реальному Миру, а «пониманием» обозначать максимальную четкость (прегнантность) этого образа, то информация (т. е. коды) играет огромную роль в том, что можно назвать гносеологическим менеджментом.

Историческая практика гласит: действия биоценозов всегда были целесообразным расходом ресурсов, и биоценозы всегда располагали лишь тем объемом знаний, который требовали (и позволяли) условия успеха их противостояния энтропиям Хаоса. Человеческое знание всегда было фрагментарным и никогда полным, т. е. было лишь тем необходимым и доступным минимумом знания и понимания, который обеспечивает нам существование, удовлетворяющее нашу Волю. Поэтому огромное значение

имеет редуционный аспект категории «информация» – это, в сущности, технологический профиль «знания», заключенного в ней (мы «знаем» не исчерпывающую суть нужного нам эффекта, а лишь, образно говоря, на какую «кнопку» в Природе надо «нажать», чтобы получить его – модель «черного ящика»), т. е. информация – это компактный эрзац истины. Позволяя нашей психике оперировать кодами вместо ее первичных образов и строить ее стратегии лишь на основе функциональных связей между кодами без проникновения в бесконечную глубину смыслового содержания обозначаемых ими образов, она дает возможность категории Сложного сохранять ее категориальный статус тем, что освобождает нас от необходимости постигать это Сложное через его редуцию к Простому (как бы ни уверяли нас аналитические науки, что любое Сложное – это замаскированное Простое), просто обходя его.

Именно благодаря феномену Информации земледельцы, не представляющие себе биофизической и биохимической сути их сельскохозяйственных действий, успешно кормили хлебом человечество в течение тысячелетий, а электрические моторы были изобретены людьми, понятия не имевшими об уравнениях Максвелла, а гениальные стихи Маяковского были созданы им при том, что он по собственному признанию не мог отличить ямб от хорея, и т. д.). Живое существо противостоит Хаосу, опираясь не только на Ум, но и на Хитрость, так что центральная проблема гносеологии и герменевтики может иметь и парадоксальную формулировку: как познать и понять почти все, не познав и не поняв, в сущности, толком ничего.

Философия тысячи лет обсуждала вопрос, может ли человек познать весь мир, но по-моему ни один из философов не задавался вопросом – а нужно ли это? Мы ведь не задаемся вопросом: а можем мы собрать в наших руках все вещество и всю энергию Вселенной? Так, по-видимому, и со знанием. Наш прогресс до сих пор осуществлялся через метасистемные переходы, т. е. замены субъектов метасубъектами. Другими словами, хорошо организованные коллективы, хотя и состоящие из членов средней эффективности, оказывались более эффективными агентами Истории, чем самые гениальные одиночки – начинают Историю герои, но продолжают коллективы. Однако в организации каждый член, каждый уровень должен обладать оптимальным объемом знания, а не максимальным. И, что вселяет в нас бодрость, так это то, что вот здесь на вопрос: а можем мы познать мир в упомянутой достаточной степени? – оптимистический ответ выглядит наиболее уместным и убедительным.

СУПЕРОРГАНИЗАЦИЯ. Иерархия, Управление и Информация создают для субъектов с ограниченными возможностями предпосылки к познанию и преобразованию бесконечно большой и сложной Вселенной, создают возможность существования Суперорганизации – Вселенской

Иерархии Метасубъектов, в которой земная Биосфера является лишь элементарным уровнем. Деятельность такого суперорганизма ведет к тому, что, по крайней мере, часть Вселенной является «рукотворной», и вопрос лишь: какая часть? И ему не понадобятся для этого чудовищные запасы вещества и энергии – всю работу Природа сделает за него сама; от него требуется лишь одно – умение давать этой Природе «ценные указания». Запущенные в космос аппараты (созданные по «управленческой» технологии) стали частью этого космоса и сделали метасубъекта «человечество» соавтором самого Космоса.

РЕЛИГИЯ. В свете сказанного можно определить религию как один из видов духовной и обрядовой деятельности людей, для которой характерны следующие черты:

1) интуитивное понимание иерархичности и управляемости системы живого и фундаментальной роли креационистского фактора в существовании этой системы;

2) обширная аксиология культа и сакрализации верхних уровней этой иерархии.

Эти черты и играют роль объективных корней религиозных верований, и, соответственно, их субъективным корнем можно считать базисный мотив психики организма, который можно назвать вселенским комформизмом с его самым широким спектром измерений – от прагматистских, таких как страх перед наказанием за грехи или стремление к выгоде (милость Бога через послушание), или власти (магия и колдовство) и т. д., до самых высоких аксиологических – стремления к единству с Абсолютом, личному бессмертию и финальной справедливости.

Традиционно Бог (теистического и антропоморфного типа) противостоит человеку как очень суровой правитель и судья, предписания которого выражены только запретами и требованиями (никаких «human rights»); религия – это, прежде всего признание абсолютной власти Бога, хотя христианство сделало акцент на вере. Но Заповедь № 1 иудейской религии гласит: «Я Господь, Бог твой, <...> да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. <...> Не поклоняйся им и не служи им, ибо я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх., 20, 2–6).

Видно, что для консолидации Иерархического Порядка духовного и морального авторитета Верхов Иерархии недостаточно, приходится прибегать к угрозам и посулам. Впрочем, в бытовых («языческих») верованиях Бог имеет и ипостась доброго покровителя и помощника верующих. Поскольку язычеству в той или иной мере привержены все, включая и самых заядлых атеистов, то оно (прагматистского толка) не пережило бы тысячелетия, если бы не было подкрепляемо опытом.

Главная христианская молитва – «Отче наш». Ее анализ указывает на одну весьма интересную особенность – ее явно прагматистское происхождение. Она появилась в Евангелии от Матфея в Нагорной проповеди как экспромт, как импровизация, и несомненно опиралась на бытовавшие издавна молитвенные стереотипы, преимуществом которых была свежесть наивного, не ущемленного стандартами идеологической канонизации (каддиш) религиозного восприятия мира.

Содержание этой молитвы полностью укладывается в типичный сюжет взаимоотношений между менеджером и командой исполнителей, связанных общим делом, цели которого вполне прагматичны и явных аксиологических черт лишены: это коллективные (не личные!) комплиментарный адрес менеджеру и просьбы о помощи.

Просьба о хлебе насущном на сегодня (лишь на сегодня) на деловом языке – это просьба о текущем авансе. Просьба о неискушении тоже может иметь деловой смысл. 2-я просьба – о прощении долгов – требует особого анализа.

Общая тенденция толковать ее как взаимное прощение грехов абсурдна: мы не можем прощать грехи – это прерогатива Бога. Как раз заявления о прощении грехов и служили клиру Иудеи поводом для обвинения Христа в кощунстве. В просьбе нет указания на наше раскаяние в совершенных грехах, а без него прощение греха безнравственно. На неясность понятия «долги» обращали внимание не только верующие, но и богословы. Так, новый английский перевод этого места (The New English Bible, 1961) осторожен: «Forgive us the wrong we have done, as we have forgiven those who have wronged us». Обратимся к латинскому источнику (Vulgata Clementina): «Et dimitte nobis debita nostra sicut et nos dimittimus debitoribus nostris» [Мф., 6, 12]. «Debita» – это все же «долги», а не «грехи», последние на латыни – «peccata». Следовательно, «новый» английский перевод неточен – в нем явно сделана попытка согласовать «wrong», которые следуют после этой молитвы, и «долги» (не говоря уже о грамматическом несоответствии «dimittimus – have forgiven»).

«Более новый» перевод (2001) вернулся к старому тексту: And forgive us our debts as we forgive our debtors. Правда, в Евангелии от Луки [Лк., 11, 4] молитва выглядит так: «<...> Et dimitte nobis peccata nostra siquidem et ipsi dimittimus omni debenti nobis <...>».

Но Евангелие от Луки:

1) вторично – Лука не был очевидцем деятельности Христа;

2) и в нем уже отчетливо проступают элементы богословской идеологизации событий – сравнить, например, родословную Христа у Луки [3, 23–38] и отличный от нее еще наивно-непосредственный вариант у Матфея [1, 2–16];

3) грубо нарушена смысловая симметрия формулы: нам прощают *peccata*, а мы прощаем всего лишь *omni debenti nobis*.

Долги встречаются во многих притчах Евангелия, причем в контексте, исключающем их толкование как «грехов». И неуместно в христианстве увязывать «долги» с обрядом жертвоприношений, так что все-таки самое логичное – это предположить, что основной смысл молитвы – призыв к такому взаимодействию, которое обеспечивает гармонию возможностей участников дела и требований к ним. Дела! Поскольку не аксиологией единой жива иерархия метасубъектов: хлеб насущный ей также необходим.

Любопытно сравнение с другими религиями. Буддизм в какой-то мере схож с христианством тем, что тоже являлся глобализирующей и гуманизирующей фазой в эволюции своего предшественника (брахманизма). Если последний был национально и кастово ограничен, требовал в качестве главной добродетели добросовестного исполнения кастовых обязанностей (т. е. долгов как дела), и степень этого исполнения определяла воздаяние за него от Бога, то буддизм провозгласил религиозное равенство всех живых существ и отдал решительное предпочтение нравственно-психологическим ценностям перед делами.

Ислам означает «Покорность Богу» – не веру в Него! В Коране об этом сказано прямо: «Аллах благоизволил поставить вероуставом для вас покорность» [сура 5:3]. Основная молитва в суре аль-Фатиха [1:7]: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала – Аллаху, господу миров милостивому, милосердному, властелину в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, кого Ты облагодетельствовал, – не тех, кто находятся под гневом, и не заблудших».

Просьба «вести дорогой прямой, но успешной» носит оттенок фатализма и тем самым снимает вопрос о долгах, возлагая всю ответственность и за дело, и за мораль на Верхи Иерархии; то, что из 99 имен Аллаха главными названы милость и милосердие, а, например, всемогущество появляется в Коране лишь в 67-й суре, говорит о том, что религиозная реформа Мухаммеда тоже протекала в русле гуманизации, но была в целом все же умеренной, и это способствовало ее успеху – напротив, Индия буддизм, в конце концов, отвергла, и евреи в массе своей христианства не приняли (обоих – как слишком радикальные ревизии канона).

Литература

1. *Sententiae*. Спецвыпуск № 3. Філософія і космологія. – УНІВЕРСУМ – Вінниця, 2004.

